

БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ: ДИНАМИКА И СПЕЦИФИКА

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА СЛОБОДЕНЮК,

Институт Социологии ФНИСЦ РАН,
Институт социальной политики НИУ ВШЭ,
Москва, Россия,
e-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Цитирование: Слободенюк Е.Д. (2021). Благополучие российских профессионалов: динамика и специфика // *Journal of Institutional Studies* 13(4): 40–58. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.040-058

Статья посвящена анализу изменений в жизни российских профессионалов и зависимости изменений от качества их общего человеческого капитала в 2010-х гг. Жизненные изменения фиксируются путем выявления мобильности в рамках трех типов социальных структур: по доходам, по наличию привилегированности/депривированности и по субъективно воспринимаемому положению в обществе. Используется панельная выборка на основе баз данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2014–2018 гг. Мобильность и ее направления выявляются при помощи метода *Group based trajectory modeling*. Как показало исследование, по всем трем показателям стабильность жизни профессионалов доминирует над мобильностью. Профессионалы не защищены от рисков хронической бедности и хронической депривированности, хотя для них это редкое явление. Объективно наблюдаемое устойчивое благополучие (по критериям богатства и привилегированности) им доступно, однако они его, как правило, не ощущают. Показано, что человеческий капитал играет большую роль в жизни профессионалов, позволяя претендовать на достижение привилегированного положения и высокого уровня доходов. Препятствием на пути к богатству выступает иждивенческая нагрузка, которая, однако, не оказывает влияния на шансы занимать устойчиво привилегированное положение. Этот фактор ухудшает жизнь молодежи и лиц средних возрастов, так что шансы на стабильно высокие доходы растут с возрастом, чему способствует сохранение трудовой активности в пенсионном возрасте. Образование родителей играет большую роль в жизни профессионалов, значительно повышая шансы оказаться в числе устойчиво привилегированных. На эти шансы сильно влияют композитные ренты. Неравные шансы на обретение благополучной позиции в обществе по доходам и по привилегированности формируют также поселенческие неравенства. Этой структурной предпосылке неравенств профессионалы мало что могут противопоставить. Несмотря на, казалось бы, благополучную динамику жизни, измеряемую объективными индикаторами, каждый третий профессионал хронически ощущает себя бедным либо ощутил резкое обеднение в эти годы, причем субъективные оценки слабо коррелируют с качеством человеческого капитала и типичны для всех возрастных категорий. Это явление связано с «негативной стабилизацией» экономики, наблюдавшейся в 2010-е гг., а также с тем, что шансы на объективное благополучие во многом замыкаются на поселенческие неравенства. Между положением профессионалов по трем исследуемым критериям нет консистентности (например, устойчиво высокие доходы далеко не всегда наблюдаются у устойчиво привилегированных). Абсолютное благополучие, т.е. устойчивое занятие наивысших позиций по всем трем структурным позициям, российским профессионалам практически не доступно.

Ключевые слова: социальное благополучие; социальная стратификация; профессионалы; человеческий капитал

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-29-07172). Автор выражает благодарность Н.Е. Тихоновой, В.А. Аникину, А.В. Каравай, Ю.П. Лежниной, С.В. Мареевой за многолетнее сотрудничество и совместную работу по созданию использованных в исследовании методологий, Н.Е. Тихоновой и А.В. Каравай за возможность использования индекса общего человеческого капитала, а также А.А. Зудиной за помощь в освоении метода GBTM.

WELLBEING OF RUSSIAN PROFESSIONALS: DYNAMICS AND SPECIFICITY

EKATERINA D. SLOBODENYUK,

*Institute of Sociology FCTAS RAS,
Institute for Social Policy, HSE University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: eslobodenyuk@hse.ru*

Citation: Slobodenyuk E.D. (2021). Wellbeing of Russian professionals: dynamics and specificity. *Journal of Institutional Studies* 13(4): 40–58. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.040-058

The paper is devoted to the issue of Russian professionals' life changes in the 2010s and the role of human capital in these processes. Life changes are analyzed by identifying mobility cases within three social stratifications by income, presence of signs of privilege or deprivation, and subjectively perceived position in society. For these purposes, we use panel data of RLMS HSE research for 2014-2018 yy. Trajectories of mobility are revealed by using of «Group based trajectory modeling» method. The results show that life stability dominates over mobility. Professionals still have risks of chronic poverty and chronic deprivation, although these risks are rare for them. They also have chances of objectively measuring sustainable well-being by income and privilege criteria. However, even those who have stayed rich and privileged over the years do not feel that they occupy the highest positions in social structure. It is shown that human capital plays a high role in life chances on sustainable privilege and a high-income level. An obstacle on the path to wealth is the dependency burden. The highest risks of poverty characterize young and middle-aged professionals, while professionals who reach retirement age have the highest chances to be rich. Thus, it is a good strategy to continue labor activity in retirement age. It was revealed that parental education significantly increases chances to achieve privilege position in Russian society. These odds are heavily influenced by composite rents. It is also shown that one of the major factors that create unequal chances of gaining high position in society (both in terms of income and privilege) is settlement inequalities. Despite a quite prosperous life dynamics measured by objective indicators, every third professional feels chronically poor or felt a sharp impoverishment during these years. These subjective assessments are weakly correlated with the quality of human capital and observed in all age categories. We associate this phenomenon with two factors: 1) "negative stabilization" in the 2010s and 2) with the fact that chances for objective well-being are confined mainly to the structural factor of settlement inequality. The position of professionals is often contradictory. The groups of privileged and wealthy professionals have little overlap in composition. In modern Russia, wealth does not imply a privileged position in society and vice versa. The same is true for poverty and deprivation. Absolute well-being, i.e., stable occupation of the highest positions in all three structural positions, is practically unavailable to Russian professionals.

Keywords: Social wellbeing; social stratification; professionals; human capital

JEL: A14, I24, I3, J24, P2

Введение

Одной из самых главных задач развития современной России является преодоление технологического отставания экономики для повышения конкурентоспособности страны на международной арене¹. Движение в этом направлении зависит от усилий многих акторов – не только государства, но также и предприятий, негосударственных организаций, самих граждан. Ключевой актор – это те россияне, которые способны создавать, осваивать и активно применять новые высокие технологии. Речь идет о российских специалистах высшей квалификации – профессионалах (от англ. *professionals*). Увеличение их числа и повышение их результативности во многом зависят от успешности их жизни. Далее мы оценим, насколько благополучно складывалась жизнь представителей этой социальной группы в 2010-е гг., и выявим факторы, которые содействовали и препятствовали им.

Успешность профессионалов во многом зависит от их уровня жизни. В этой связи важно отметить, что в российском обществе широко распространены риски бедности и малообеспеченности (Тихонова и др., 2018), сформировавшиеся в результате значительных доходных неравенств и концентрации богатств страны в руках небольшой группы лиц (Мареева, Слободенюк, 2018)². Мы могли бы предположить, что профессионалы как высокопроизводительные работники уж точно должны быть защищены от этих рисков³. Но так ли это на самом деле?

Динамике уровня жизни профессионалов долгое время не уделялось пристального внимания. Основная часть российских исследований, посвященных этому вопросу, проводилась в 1990-е гг., в период значительного обеднения всех слоев населения, в том числе и профессионалов. Феномен их обеднения даже обрел особенное название – «новая бедность»⁴. Значительный рост уровня жизни и снижение масштабов бедности в нулевые годы снизили актуальность этой проблемы, а с 2010-х гг. сюжет «новой бедности» и вовсе пропал из текстов российских научных публикаций. Однако в последние годы появились тревожные тенденции, которые косвенно свидетельствуют о существенных рисках неблагополучия профессионалов в современной России.

Первое, что вызывает наше волнение, – это реакция населения на нестабильность экономической ситуации. Лишь за последние 10 лет российское общество последовательно столкнулось с экономической рецессией, «негативной стабилизацией» доходов и пандемией коронавируса. Научное сообщество уделило немалое внимание тому, как эти события влияют на уровень жизни и адаптационные стратегии россиян (Авраамова и др., 2018; Кузьминов, Овчарова, 2019; Малева и др., 2016; Тихонова, 2019). Среди прочего было выявлено, что в условиях последней рецессии даже наиболее обеспеченные россияне (немалую долю среди которых составляют профессионалы) были вынуждены экономить на инвестициях в человеческий капитал (Мареева, 2017: 96). Выявленная тенденция вызывает волнение, так как человеческий капитал – ключевой ресурс профессионалов, определяющий их положение в системе производственных отношений и, как результат, в структуре общества.

Вторым настораживающим фактом выступает активно разворачивающаяся в последние годы дискуссия, посвященная отдаче от образования в России. Ряд российских и западных исследователей фиксируют негативные тенденции ее снижения, другие не согласны с этой позицией⁵. Лишь ценность диплома о высшем образовании не вызывает сомнения у обеих сторон. Если это предположение верно, то в скором будущем мы столкнемся с новым вызовом – с сокращением инвестиций в человеческий капитал среди профессионалов. Подобные усилия окажутся просто

¹ См. в тексте Послания Президента за 2018 г. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ – Дата обращения: 10.07.2021), в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.» (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/> – Дата обращения: 10.07.2021), а также в докладе (Кузьминов, Овчарова, 2019).

² Актуальность этой проблемы столь высока, что в Стратегии развития страны до 2024 г. наряду с ранее упомянутыми поставлены также и цели устойчивого роста реальных доходов граждан и двукратного сокращения бедности.

³ Автор придерживается традиции, заложенной Дж. Голдторпом, согласно которой профессионалы как работники, занятые видами труда, требующими длительного времени на их освоение, занимают более высокое положение в структуре общества и более высокие жизненные шансы по сравнению с иными категориями работников (за исключением руководителей), а потому должны быть застрахованы от рисков бедности.

⁴ Масштабность и уникальность ситуации с «новой бедностью» привлекла внимание не только большинства российских ученых, но также и западных (см. обзор в (Мэннинг, 2001)).

⁵ Подробное описание этого дискурса см. в: (Капелюшников, 2021).

нерациональной тратой их ресурсов. Сам факт того, что сюжет отдачи от образования встал на повестку дня, заставляет волноваться о будущем благополучии российских профессионалов.

Третий факт, вызывающий беспокойство, заключается в том, что в современных западных обществах вновь начинают расти риски бедности для профессионалов (World Bank, 2020). Россия как страна, находящаяся на более раннем этапе модернизации, в будущем тоже, скорее всего, столкнется с подобными вызовами.

Исходя из этих соображений, мы считаем важным проанализировать благополучие российских профессионалов в различных его проявлениях. В этом исследовании мы поставили перед собой *две задачи*. Первая заключается в *формировании общего представления о динамике жизни профессионалов*. Под динамикой жизни человека мы понимаем изменение ее значимых характеристик: 1) доходов человека, 2) степени его привилегированности или депривированности на фоне остальных членов общества и 3) субъективного восприятия человеком своего уровня жизни. Вторая задача заключается в *оценке того, какую роль в динамике вышеуказанных показателей играет качество общего человеческого капитала*.

Методологические аспекты исследования

Для решения поставленных задач мы использовали данные исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ⁶. Этот источник данных выбран ввиду ряда его сильных сторон: 1) возможности наблюдения за жизнью человека на протяжении ряда лет (т.е. построения панельной выборки), 2) большого числа показателей и 3) внушительного числа наблюдений, необходимого для анализа сравнительно небольших групп населения. Для формирования панельной выборки мы использовали пять полных баз данных с 2014 по 2018 год⁷, включив в нее исключительно тех россиян, которые были трудоустроены в 2018 году. Сформированная панель включала 2976 человек⁸. Исследование проводилось на уровне индивидов, но с учетом сведений об их домохозяйствах при оценке индивидуальных характеристик.

Для определения границ исследуемого объекта использовался классификатор профессиональных позиций International Standard Classification of Occupations в его версии 2008 года (ISCO-08). В соответствии с логикой, заложенной в основу построения классификатора, под профессионалами мы понимаем работников умственного труда, которые «производят новое знание, применяя для этого научные и художественные концепции, или систематически обучают этому других людей» (ILO, 2012: 11–15, 109), – ученых, медиков, преподавателей вузов и т.д. (2-й класс классификатора). Наша панельная выборка включает 536 таких работников.

Чтобы оценить динамику условий жизни профессионалов, мы обращаемся к данным о том, как с течением времени изменялось их положение в трех различных социальных структурах: 1) по доходам, 2) по степени привилегированности/депривированности и 3) по восприятию своего уровня жизни в координатах «бедность – богатство». Таким образом, наше исследование относится к структуралистской традиции анализа (Crouch, 2010; Голенкова и др., 2015; Любимова и др., 2008), в рамках которой основное внимание уделяется связи профессиональной принадлежности человека с его положением в структуре общества. Мы используем сразу три социальные структуры, так как применение каждой из них по отдельности дает одностороннюю картину и не позволяет составить комплексного представления о благополучии человека (Овчарова, 2012; Тихонова, 2014). Все три используемые методологии являются стратификационными, так как они распределяют статусные позиции по вертикали, и «относительными», так как фиксируют

⁶ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии ФНИСЦ РАН (<http://www.hse.ru/rlms>).

⁷ Мы осознанно выбрали период, предшествующий пандемии коронавируса, влияние которой ввиду ее уникальности следует изучать отдельно. По причине отсутствия значимого показателя, заложенного в основу нашей методологии, из анализа был также исключен и 2019 г.

⁸ Процесс формирования выборки неизбежно приводит к потере части наблюдений – наиболее благополучных и мобильных представителей общества. Чем длиннее панель, тем сильнее в ней представлены пожилые члены общества и жители сельских поселений. Мы осознанно идем на это ограничение ради преимуществ, которые предоставляет анализ панельных данных. В попытке максимально сохранить репрезентативность наших данных мы ограничиваемся сравнительно небольшим временным интервалом (5 лет), достаточным для фиксации среднесрочных тенденций, и анализируем лиц, попадающих в репрезентативную выборку 2018 г. В результате сформированная выборка сохраняет свою структуру по ключевым социально-демографическим показателям (см. табл. П1 в Приложении).

отклонения от стандарта жизни, типичного для большинства россиян. Рассмотрим далее подробнее каждую из них.

Для построения доходной стратификации мы используем методологию, разработанную и апробированную в ходе исследовательского проекта «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении» (Тихонова и др., 2018). Ее суть заключается в том, что положение человека в структуре общества определяется через соотношение его доходов с медианным значением по стране/региону/типу поселения. Таким образом, в рамках этой стратификации под «стандартом» жизни подразумевается доходная медиана. Хотя поселенческие и региональные неравенства оказывают существенное влияние на доходы россиян (Овчарова и др., 2014), мы используем страновую медиану⁹, чтобы достигнуть сопоставимости с двумя другими структурами, в которых стандарт жизни тоже общестрановой. В качестве базового показателя используется «среднедушевой» доход – совокупный доход домохозяйства, получаемый более чем из 20 источников (зарплаты, пенсии, алименты и т.д.), в номинальном выражении в расчете на одного члена домохозяйства. Коэффициент экономии от совместного потребления не применяется, так как в научном дискурсе все еще не достигнут консенсус по этому вопросу (Абанокова, Локшин, 2014; Берендеева, Ратникова, 2016; Суринов, Луппов, 2020). Опираясь на опыт предшествующих зарубежных исследований и апробацию доходных границ применительно к российским условиям (Тихонова и др., 2018: 24–116), мы используем значения 0,75 и 2 медианы как границы бедности и богатства, т.е. значимого отклонения от стандарта. Сформированная структура включает три массовые страты: 1) бедных, 2) среднедоходных и 3) высокодоходных (для простоты восприятия мы будем называть их «богатыми»). Под жизненными изменениями в этом случае подразумевается рост и падение доходов, которые столь сильны, что влекут за собой переход из одной страты в другую.

Вторая используемая нами методология разработана в рамках исследовательского проекта «Поведенческие стратегии населения в посткризисный период: как новые повседневные реалии жизни россиян скажутся на “коридоре возможностей” развития страны?». Данная методология относится к неовеберовской традиции анализа и опирается на одно из основополагающих понятий М. Вебера – «жизненные шансы». Согласно его определению, это – «общие возможности потребления благ, достижения определенной социальной позиции и обретения внутренней удовлетворенности» (Weber, 1978: 302). Суть методологии заключается в построении интегрального индекса жизненных шансов с последующим выявлением на его основе членов общества, которые находятся в привилегированном/депривированном положении по сравнению с большинством остальных. Для построения интегрального индекса используются признаки жизненных шансов и рисков в четырех сферах жизни: 1) экономические условия, 2) ситуация на работе, 3) возможности наращивания человеческого капитала и 4) особенности потребления и досуга¹⁰. Мы используем разработанные в рамках исследования (Тихонова, 2018б) границы, с применением которых выделяют три массовые страты российского общества – верхнюю, среднюю и нижнюю. Россиян, попадающих в верхнюю страту, мы будем называть привилегированными, так как им доступно то, что недоступно большинству остальных: значительные накопления, особо комфортные условия проживания, ресурс влияния на работе и пр. Представителей нижней страты назовем депривированными, так как они обременены нетипичными для большинства россиян жизненными рисками – нанесением значительного урона здоровью ввиду особой специфики труда, невозможностью получить необходимое лечение или образование, множественными долговыми обязательствами и т.д. Жизненные изменения по этому критерию заключаются в том, что человек переходит, например, из средней страты в число привилегированных или, наоборот, депривированных.

Третья используемая структура отражает то, как сами люди воспринимают свое положение в структуре общества. В научной практике существует достаточно большое число графических и вербальных методик, позволяющих оценить это восприятие (Тихонова, 2018а). Использовалась одна из наиболее распространенных версий (Jackman, Jackman, 1973), когда в анкете задается вопрос о восприятии человеком своего положения на девятиступенчатой лестнице, где на

⁹ Показатель рассчитан на репрезентативных выборках каждого года.

¹⁰ Полный перечень и подробное теоретическое обоснование отобранных индикаторов представлены в (Аникин, 2018).

первой ступени располагаются нищие, а на верхней – богатые. Следуя устоявшейся традиции, к субъективно богатым и субъективно бедным отнесены те россияне, которые поставили себя соответственно на три верхние и три нижние ступени этой лестницы. Жизненные изменения по этому критерию проявляются в значительном ухудшении или улучшении восприятия своей позиции в обществе.

Схематическая визуализация трех структур представлена в табл. 1¹¹.

Таблица 1

Структурные элементы трех социальных структур

По величине доходов	По наличию привилегированности	По субъективному восприятию
богатые	привилегированные	богатые
среднедоходные	серединные	среднедоходные
бедные	депривированные	бедные

Для поиска траекторий, отражающих то, как изменялось положение людей в этих структурах, использован метод под названием «Group based trajectory modelling» или GBTM (Nagin et al., 2005). Он позволяет выявить наиболее распространенные траектории изменения анализируемого показателя с течением времени, визуализировать их, а затем выявить и объединить в группы тех людей, у которых показатель изменяется наиболее близким к выявленному тренду образом. Изначально метод разрабатывался для нужд медицинских исследований¹², однако он может быть успешно применен и в рамках социологического исследования (см., например, (Зудина, 2016)). С опорой на методологические указания разработчиков метода определены основные траектории перемещений россиян между структурными элементами каждой из трех стратификаций (этапы моделирования приведены в табл. ПЗ в Приложении). Все выявленные траектории мобильности отражены на рис. 1. Иные траектории либо не выявляются, либо столь нетипичны, что их учет ухудшает объяснительную силу моделей.

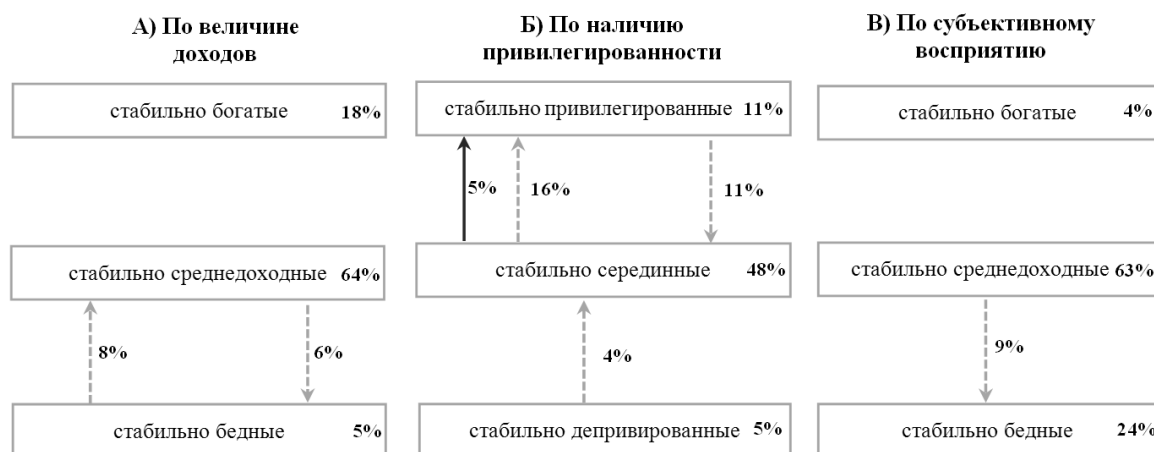

Рис. 1. Траектории изменения положения профессионалов

в трех структурах российского общества, % от числа профессионалов

Примечание: Темной стрелкой обозначена траектория резкого роста в 2014 году с последующим сохранением привилегированного положения. Для простоты восприятия выявленные тренды изображены упрощенно, более точная форма траекторий представлена в рис. П1 в Приложении.

¹¹ Данные о распределении населения в рамках этих структур (т.е. о наполненности страт) приведены в Приложении в табл. П2.

¹² Например, когда на основе множества историй болезни требуется выяснить, какие факторы способствуют быстрому излечению от болезни. Такая задача потребует выявления нескольких ключевых трендов изменения анализируемых показателей (быстрого/обычного/медленного, с более высоким/низким пиковым значением и т.д.), визуализации этих трендов и последующего определения пациентов, чья болезнь протекала максимально схожим образом с тем или иным трендом.

Последнее, что требует пояснения, – это трактовка человеческого капитала и мобильности. Мы понимаем человеческий капитал в соответствии с его классической концепцией, основы которой заложили еще Г. Бэкер, Т. Шульц и Д. Минцер (см., например: (Becker, 1994)). Согласно этой концепции, знания работников в современных обществах являются их ключевым активом. Инвестиции в более длительное обучение, освоение профессии и повышение квалификации увеличивают производительность труда и потому поощряются более высокими заработными платами (дают «отдачу»). При этом ценность для работодателя могут предоставлять как общий уровень подготовки работника, сформированный в ходе обучения в школе/училище/вузе, так и уникальные знания, формирующиеся в ходе трудовой деятельности в рамках конкретного предприятия. Потому в рамках этой традиции принято разделять человеческий капитал на два типа – «общий» и «специфический». В данном исследовании далее используется индекс общего человеческого капитала (ОЧК), разработанный в рамках исследовательского проекта «Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы» (Тихонова, 2017; Каравай, 2021). Индекс фиксирует то, сколько лет человек потратил на обучение и обладает ли он значимыми для жизни в современном мире навыками (в частности, использования компьютера и иностранного языка). А под «социальной мобильностью» далее понимается перемещение человека между статусными позициями в структуре общества (Сорокин, 1992: 230–331; Goldthorpe, Jackson, 2007: 527).

Динамика жизни российских профессионалов и роль компонент человеческого капитала

Общий срез, представленный на рис. 1 показывает, что в жизни профессионалов превалирует стабильность. На протяжении пяти лет доходы были *неизменными* в общей сложности у 87% профессионалов, характер и наличие привилегированности – у 65%, субъективное ощущение своего статуса – у 91%. Исходя только из этих данных, можно заключить, что сильнее всего у профессионалов изменялся набор доступных им «жизненных шансов», а слабее всего – субъективное восприятие уровня жизни.

На фоне остальных работников положение профессионалов оказывается практически самым благополучным: у них самые низкие риски застойного неблагополучия в любом из его трех проявлений и самые высокие шансы устойчивого благополучия. Лучше, чем у них, жизнь складывается только у руководителей, а сопоставимо или несколько хуже – у полупрофессионалов и клерков (см. в Приложении табл. П4).

Рассмотрим подробнее динамику жизни профессионалов в каждом срезе. Обратимся к табл. 2, в которой представлены ключевые характеристики россиян, сохранивших принадлежность к своей страте¹³.

Как показывают данные, хроническая бедность по **доходам** – это редкое явление для профессионалов, хотя они и не защищены от нее в полной мере. В первую очередь на величину доходов влияет тип поселения, где живет человек. Предшествующие исследования показали, что поселенческие неравенства во многом задают иные формы неравенств, которым профессионал мало что может противопоставить (Овчарова и др., 2014; Тихонова, Слободенюк, 2022). В крупных городах (и тем более в столицах) россиянам доступны лучшие учебные и медицинские учреждения, а также наиболее качественные рабочие места. Чем меньше поселение, тем ниже возможности человека по формированию хорошего человеческого капитала, тем хуже рынок труда. В результате доходы профессионала, которые преимущественно состоят из заработных плат, «завязываются» на поселенческие неравенства. Потому хроническая бедность чаще наблюдается в селах и поселках городского типа, а устойчивое богатство – в крупных городах и столицах. Это же отчетливо прослеживается и из наших данных (табл. 2).

¹³ В тексте приводится статистика по имобильным профессионалам ввиду их высокой численности и превалировании над профессионалами, совершившими социальную мобильность. Характеристики профессионалов, совершивших социальную мобильность, приведены в Приложении в табл. П5.

Таблица 2

Характеристики профессионалов, устойчиво пребывающих в той или иной страте, %

Характеристики	А) По доходам			Б) По наличию привилегированности			В) По субъективному восприятию			В среднем по профессионалам
	бедные	средне-доходные	богатые	депривированные	серединные	привилегированные	бедные	средне-доходные	богатые	
Тип поселения										
Областные центры	4	47	55	31	38	60	47	42	24	42
Города	40	25	31	17	30	30	27	28	29	28
Села и ППТ	56	28	14	52	32	10	26	30	47	30
Возраст										
Моложе пенсионного	92	81	54	62	77	84	82	78	81	79
Пенсионный	8	19	46	38	23	16	18	22	19	21
Качество ОЧК										
Высокое	40	51	61	28	40	73	39	56	62	51
Среднее	16	28	22	14	32	20	36	24	24	27
Низкое	44	21	17	58	28	7	25	20	14	22
Качество ОЧК у профессионалов без детей										
Высокое	25	45	55	37	37	69	39	52	50	47
Среднее	50	29	26	11	32	19	39	25	29	28
Низкое	25	25	19	52	31	12	22	23	21	25
Общий трудовой стаж у лиц моложе пенсионного возраста*										
Среднее значение	19,3	16,9	18,2	18,1	16,4	18,4	16,7	16,7	16,4	16,8
Медианное значение	19	17	16,5	17	16	17	16	16	15	16
Наличие детей в составе домохозяйства на момент 2014 г.										
Имели детей	84	47	19	35	43	57	51	47	33	48
Справочно										
Имеют диплом о в/о	64	77	82	41	70	92	74	76	91	76
Оба родителя с в/о	9	19	23	7	14	35	22	18	20	19
Субъективно хорошее здоровье	28	40	24	24	36	40	30	40	52	38
Справочно: 0 или 1 признак	77	59	68	85	67	42	62	60	50	61
Справочно: 2 или 3 признака	23	41	32	15	33	58	38	40	50	39
Имеют ученую степень (диплом)	0	3	8	0	4	6	3	3	0	3

Примечание: Фоном выделены ненадежные данные (подгруппы <30 чел.). * Общий трудовой стаж приведен по лицам моложе пенсионного возраста.

Подтверждается на наших данных и такой чрезвычайно важный фактор бедности по доходам, как иждивенческая нагрузка, связанная с детьми. Профессионалы, не имевшие детей в 2014 году, практически не имели рисков оказаться в хронической бедности (лишь 1%), в то время как устойчиво богатым был каждый четвертый из их числа (28%). Наличие в семье одного ребенка не сказывается на рисках бедности, но при этом двукратно снижает шансы на устойчивое благополучие. Наличие двоих детей уже формирует повышенные риски хронической бедности (вдвое больше средних) и практически полностью исключает шансы на устойчивое богатство. Мы также предполагаем, опираясь на предшествующие исследования (Лежнина, 2014: 23), что рождение трех и большего числа детей повышает риски бедности многократно. В нашей выборке было мало многодетных родителей из числа профессионалов (всего 12 человек), но каждый второй из них был хронически беден, и ни один не был устойчиво богат.

Сам факт того, что иждивенческая нагрузка является одним из ключевых рисков бедности, не является открытием. Однако мы хотим заострить внимание на том, что она играет не меньшую роль и для профессионалов. Даже высокое качество человеческого капитала не формирует им столь высоких доходов, которые могли бы нивелировать этот риск. Забегая вперед, отметим, что факт наличия ребенка в семье не имеет практически никакого влияния на шансы быть устойчиво благополучным или неблагополучным в рамках двух других структурных срезов.

Шансы иметь высокие доходы, равно как и риски бедности, изменяются с возрастом. У молодежи в 1,5 раза выше риски обеднения (в сравнении со средним значением по профессионалам), а у лиц среднего возраста (36–45 лет) в 2 раза выше риски хронической бедности. Это вновь объясняется фактором иждивенческой нагрузки, которая снижается с возрастом, благодаря чему растут шансы на устойчивое богатство. Так, среди профессионалов моложе 55 лет лишь 11–13% обладают устойчиво высокими доходами, то время как среди лиц в возрасте 56–65 лет – уже каждый третий, а среди пожилых (старше 65 лет) – больше половины. Сохранение трудовой активности – это эффективная стратегия поддержания высокого уровня доходов.

Немалое влияние на уровень доходов профессионалов оказывает и качество их подготовки. Как видно из табл. 2, практически 2/3 устойчиво богатых характеризуются высоким качеством ОЧК, а каждый четвертый вырос в семье, где оба родителя получили высшее образование. В зоне устойчивой бедности концентрируются профессионалы с более низкими значениями ОЧК. Более того, у каждого четвертого хронически бедного профессионала родители имеют лишь аттестат зрелости, т.е. не получили никакого профильного образования. В результате отсутствие диплома о высшем образовании и происхождение из такой семьи повышает риски хронической бедности в 1,5 раза по сравнению со средними (в обоих случаях). Как видим, качество человеческого капитала и образование родителей существенно влияют на величину доходов профессионалов, однако не столь сильно, как на их шансы занять привилегированное положение в обществе.

Итак, не только качество ОЧК профессионала влияет на то, на какие доходы по меркам всей страны он может претендовать. Тип поселения, в котором он проживет, задает реально доступные ему заработные платы. Рождение ребенка, снижая доходы профессионалов, может не приводить к попаданию за национальную черту бедности, но с высокой долей вероятности приведет к обеднению в рамках того поселения, в котором проживает профессионал¹⁴.

Мобильность в координатах «**привилегированность/депривированность**» выглядит более благополучной. Риски устойчивой депривации столь же низки, как и риски бедности по доходам, но при этом значительно меньше доля тех, кто устойчиво занимает срединное положение. Мобильность происходит преимущественно между срединным и привилегированным положением, а оставшиеся редкие случаи свидетельствуют о выходе части профессионалов из зоны множественной депривации. Особо следует обратить внимание на тренд, обозначенный сплошной стрелкой на рис. 1-Б. За ним скрываются профессионалы, перешедшие в число привилегированных в 2014 году и сохранившие это положение до конца анализируемого периода.

¹⁴ Выявленные факты – это во многом результат нашего методологического выбора. Потому мы провели идентичный анализ с использованием поселенческой медианы. При таком подходе значимость этих двух ключевых факторов благополучия – поселенческих неравенств и качества ОЧК – нивелируется, и на первый план выходит фактор иждивенческой нагрузки, на основе чего и делается такой вывод.

С учетом численности этой подгруппы, как видим, шансы на устойчивую привилегированность (16%) у профессионалов сопоставимы с шансами на устойчивое богатство (18%).

Как и в случае с доходами профессионалов, поселенческие неравенства играют одну из главных ролей в распределении их шансов на устойчивое благополучие. Иждивенческая нагрузка, напротив, не демонстрирует связи с мобильностью в рамках этой структуры. Решение о рождении ребенка скорее является следствием занимаемой позиции в этой структуре, а не причиной. Поясним в этой связи, что в число индикаторов, заложенных в основу методологии построения данной структуры, входят такие «жизненные риски», как столкновение с невыплатой/задержкой зарплаты, вынужденный выход в неоплачиваемый отпуск, работа в «теневом» секторе экономики, недоступность необходимого образования или лечения, наличие множественных долговых обязательств и ряд других. В таких условиях принятие решения о рождении ребенка оказывается чрезвычайно тяжелым. Мы предполагаем, что при принятии решения о рождении ребенка россияне осознают финансовые потери, которые понесет их семья. Однако они не готовы принимать такое решение, если их жизнь складывается тяжело, а будущее нестабильно или непредсказуемо. Именно поэтому мобильность в координатах «привилегированность/депривированность» не зависит от иждивенческой нагрузки, а устойчивое положение в рамках этой структуры демонстрирует обратную связь с этим показателем.

Основным фактором, определяющим положение профессионала в координатах «привилегированность/депривированность», является качество ОЧК (табл. 2). Среди устойчиво депривированных более половины (58%) имеют человеческий капитал хуже среднего по профессионалам, и лишь у одного из четырех (28%) он высокий. Среди привилегированных таких 7% и 73% соответственно (табл. 2-Б). Важную роль играет и то, в какой семье вырос профессионал. Среди устойчиво привилегированных каждый третий (35%) воспитан родителями, получившими высшее образование. Среди тех, кто стремительно поднялся в число привилегированных и затем устойчиво пребывал на этой структурной позиции (сплошная стрелка на рис. 1-Б), таких было еще больше – 40%. Но в самой массовой по численности группе – устойчиво занимающих срединное положение – таких всего 14%, а в нижней страте их и вовсе практически нет (7%).

Обратим в этой связи особое внимание на справочные данные в табл. 2. Мы проверили, усиливается ли эффект от одновременного присутствия ряда «хороших» признаков – наличия высшего образования у родителей и у самого профессионала¹⁵, а также восприятия им своего здоровья как хорошего. Мы видим, что одновременное наличие хотя бы двух из трех перечисленных признаков повышает шансы на устойчивое благополучие во всех структурных срезах. Однако в случае со структурой по наличию и характеру привилегированности оно оказывает колоссальное влияние. Опираясь на это, мы приходим к выводу, что для профессионалов, занимающих привилегированное положение в обществе, срабатывают так называемые «композиционные ренты»¹⁶.

Субъективные оценки значительно расходятся с объективно измеряемыми. Несмотря на довольно благополучное положение профессионалов по двум описанным ранее измерениям, каждый третий профессионал на протяжении этих лет считал, что он беден либо обеднел. К богатым относили себя лишь единицы (4%). Субъективная мобильность по этому критерию мало связана с изменением объективных показателей их жизни: лишь у 8% субъективно обедневших реально упали доходы за эти годы, не более 10% субъективно бедных были бедны по доходам или депривированы. Практически не прослеживается связь и с базовыми детерминантами объективно измеряемого благополучия: не выявляется корреляции ни с качеством их человеческого капитала, ни с наличием детей, ни с поселенческими неравенствами¹⁷. Не отличаются они и особо плохим здоровьем (лишь 8% при 4% в среднем по профессионалам), хотя среди них меньше всего тех, кто оценивает здоровье как «хорошее».

¹⁵ Отметим, что его имеют не все профессионалы, так как некоторые работодатели трудоустраивают работника и без диплома. Это является особенностью российского рынка труда и требует дальнейшего изучения.

¹⁶ Речь идет о рентах, возникающих в том случае, когда одновременное присутствие у человека нескольких различных активов приносит ему большую отдачу, чем сумма отдач от каждого из них в отдельности (см. в: (Sorensen, 2000)).

¹⁷ Не считая малочисленной группы субъективно богатых, оценки по которой ненадежны.

Таким образом, предпосылки субъективного благополучия иные, нежели те, которые детально описаны выше. Выявленный факт социальной напряженности профессионалов является настораживающим и требует дальнейшего изучения. Мы предполагаем, что столь негативные настроения были вызваны процессами «негативной стабилизации» в экономике (Малева и др., 2016, Тихонова, 2019), а также тем, что многое в жизни профессионалов определяется внешними факторами, а не их личными усилиями (Тихонова, Слободенюк, 2022).

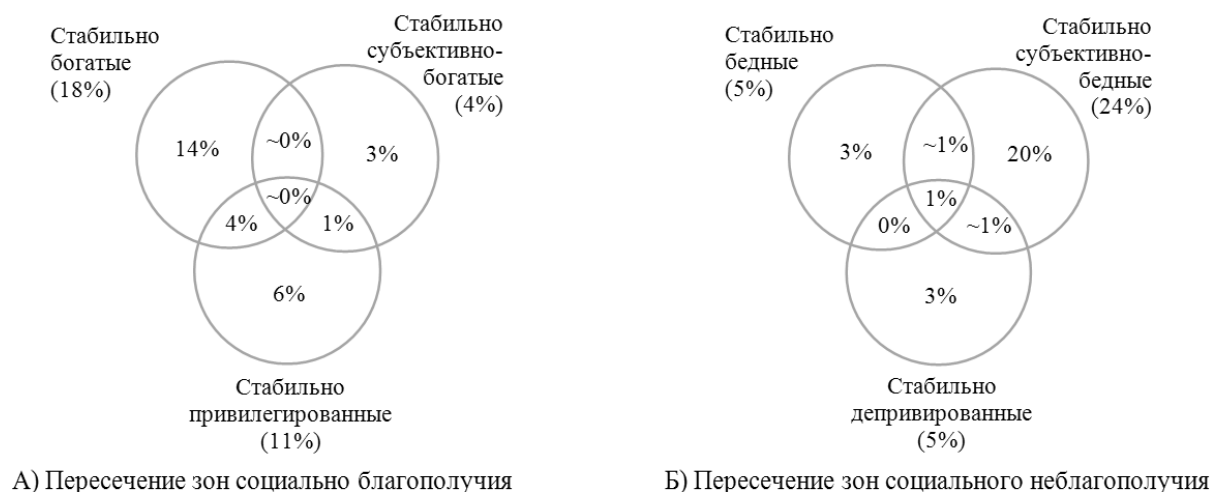

Рис. 2. Численность профессионалов, устойчиво пребывающих на верхних/нижних позициях трех структур, %

Последнее, что следует отметить, учитывая все вышесказанное, – это недоступность абсолютного благополучия для профессионалов и одновременно их защищенность от абсолютного неблагополучия. Наше исследование подтвердило ранее выявленный (Овчарова, 2012: 20) и неоднократно отмеченный в текстах научных работ факт: монетарное, немонетарное и субъективное благополучие являются слабо пересекающимися феноменами. Надо подчеркнуть, что это верно даже для профессионалов. Приведем лишь некоторые примеры этого несовпадения: 1) лишь треть устойчиво привилегированных профессионалов обладает стабильно высокими доходами, 2) лишь четверть богатых – привилегированна, 3) лишь четверть субъективно богатых привилегированна, 4) менее пятой части субъективно богатых реально обладают устойчиво высокими доходами¹⁸. Столь же разнородно и социальное неблагополучие (рис. 2). Таким образом, даже у профессионалов, несмотря на их занятость, квалификацию и умственный характер труда, наблюдается типичная для современной России неконсистентность (рассогласованность) занимаемых ими статусных позиций (Коленникова, 2019).

Отметим, что все сказанное выше характеризует только тех профессионалов, которые попали в выборку исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. Очевидно, что наиболее квалифицированные и успешные профессионалы – доктора наук, эксперты международного уровня и т.д. – значительно слабее представлены в подобных исследованиях, так как оказываются практически недоступны для интервьюеров. Это объясняет и практически полное отсутствие случаев многомерного благополучия. Для изучения этой высшей подгруппы профессионалов требуются иные методы сбора данных. Это является ограничением исследования и показывает направление для дальнейших исследований.

Обобщая все изложенное выше, скажем, что полученные результаты наводят на предположение о том, что распределение профессионалов в рамках структур, построенных по объективным

¹⁸ Схожее можно сказать и в отношении мобильности. Проиллюстрируем это на случае роста доходов, который приводит к выходу из монетарной бедности. Лишь в одном из 10 случаев такой рост доходов сопровождается процессом выхода из зоны множественной депривации. В четверти же случаев такой рост доходов наблюдался у очень успешных профессионалов, которые за эти годы переходили в разряд привилегированных.

показателям (доходам и привилегированности), отражает совокупность доступных в обществе структурных позиций, а не их личные усилия. Если данное предположение верно, то изменить сложившуюся ситуацию возможно только посредством комплексной социальной политики. Простое стимулирование профессионалов к повышению их человеческого капитала приведет лишь к росту конкуренции за ограниченное количество благополучных позиций. В качестве меры социальной политики, которая может укрепить положение профессионалов, может выступать расширение практики использования стимулирующих контрактов работодателем. Однако это возможно только при условии, если работодателю выгодно иметь высококвалифицированную рабочую силу. В этом смысле вектор внедрения наукоемких способов в производство, заложенный в целях национального развития России, должен заложить основу для позитивных изменений. Но этот способ не решит проблему в корне, так как поселенческие неравенства чрезвычайно сильно влияют на структуру доступных позиций.

Чтобы нивелировать поселенческие неравенства, требуется ряд мер, направленных на комплексное развитие сельских территорий и малых городов. В первую очередь мы подразумеваем меры, направленные на развитие производства, которые усилят локальные рынки труда. Это, в свою очередь, приведет к росту числа благополучных структурных позиций и стимулирует профессионалов наращивать человеческий капитал без смены места жительства. Стимулирование же профессионалов к переезду в более крупные типы поселений видится плохой стратегией решения проблемы, так как лишь усилит поселенческие неравенства и усугубит ситуацию в «малой России».

В завершение следует подчеркнуть, что развитие российских профессионалов имеет существенное значение для понимания обоих типов макроизменений, которые переживает постсоветская Россия: как завершения позднеиндустриальной модернизации, так и формирования постиндустриальных тенденций. В начале перехода России к современной рыночной экономике западные ученые предполагали (Szelényi, 2013), что с течением лет роль надындивидуальных факторов в благополучии граждан будет уменьшаться, уступая место тем, которые связаны с их личными достижениями. Это должно было стать сигналом об успешном транзите к обществу, основанному на главенстве меритократических институтов. Однако, как видно из результатов проведенного исследования, в России этот процесс еще очень далек от завершения. Жизненный цикл и поселенческие неравенства продолжают играть чрезвычайно высокую роль в жизни российских профессионалов. Высокая роль этих внешних факторов наряду с иными проблемами (низким спросом на высококвалифицированную рабочую силу, снижением отдач на образование) выступает серьезным барьером на пути перехода России к постиндустриальному обществу.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что профессионалы не защищены от рисков хронической бедности и депривированности, хотя для них это редкое явление. Риски формируются преимущественно в тех случаях, когда профессионал обладает общим человеческим капиталом низкого качества или проживает в сельском поселении. Профессионалы, как и все остальные россияне, подвержены рискам обеднения в случае рождения второго и последующих детей. Если принимать во внимание все возможные формы неблагополучия, включая субъективное (тем более если рассматривать не только случаи затяжного неблагополучия, но и разовые), то риски оказываются довольно существенными, хоть и некритичными. Из этого следует, что проблема «новой бедности» актуальна и по сей день. В целом у профессионалов, казалось бы, «все хорошо». Их шансы на рост доходов и положения в обществе выше, чем у подавляющего большинства работающих россиян. Каждый четвертый профессионал стабильно богат или стабильно привилегирован. Более того, шансы на достижение этих высоких позиций во многом определяются их знаниями, умениями и навыками. Однако они не могут ничего противопоставить поселенческим неравенствам, задающим им жесткую сетку внешних структурных ограничений. В результате наиболее богатые и привилегированные профессионалы концентрируются в городах, а наиболее бедные и депривированные – в селах. Поселенческий срез стягивает на себя все иные формы

неравенств, усиливая их совместный эффект. Наиболее тревожным фактором выступает тяжелое социально-психологическое состояние, в котором находятся профессионалы. Практически никто из них не воспринимает свое положение в обществе как высокое; практически каждый третий ощущает, что пребывает в бедности, либо ощутил обеднение за эти годы. Это явление требует дальнейшего анализа и предположительно связано с «негативной стабилизацией» экономики в 2010-е гг., а также с тем, что шансы на объективное благополучие во многом продиктованы поселенческими неравенствами, а не их личными усилиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абанокова К.Р., Локшин М.М. (2014). Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // *Экономический журнал Высшей школы экономики* 18(4): 620–644. [Abanokova K., Lokshin M. (2014). The Effect of Adjustment for Economies of Scale in Household Consumption on Poverty Estimates in Russia. *HSE Economic Journal* 18(4): 620–644. (In Russian).]
- Авраамова Е.М. Каравай А.В., Логинов Д.М. (2018). Адаптационные стратегии населения: между выживанием и развитием. Препринт. С. 81. (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3122417> – Дата обращения: 10.07.2021). [Avraamova E., Karavay A., Loginov D. (2018). Adaptive Population Strategies: Between Survival and Development. Preprint. (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3122417> – accessed at: 10.07.2021). (In Russian).]
- Аникин В.А. (2018). Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 4(146): 39–67. [Anikin V. (2018). Social stratification based on life chances: operationalization for mass surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* 4(146): 39–67. (In Russian).]
- Берендеева Е.В., Ратникова Т.А. (2016). О проявлениях парадокса Дитона – Паксон в потреблении российских домохозяйств // *Прикладная эконометрика* 42(2): 54–74. [Berendeeva E., Ratnikova T. (2016). The Deaton – Paxson paradox in the consumption of Russian households. *Applied Econometrics* 42(2): 54–74. (In Russian).]
- Голенкова З.Т. (ред.) (2015). *Наемный работник в современной России*. М.: Новый хронограф. 368 с. [Golenkova Z. (Ed.) (2015). *Employee in contemporary Russia*. Moscow: New chronograph. 368 p. (In Russian).]
- Зудина А.А. (2016). Что скрывается за «средними» самооценками? Анализ траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. WP3/2015/06/. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 52 с. [Zudina A. (2016). What is hidden behind the “average” self-assessments? Analysis of the trajectories of social well-being of Russians in 2000–2014. WP3/2015/06/. Higher School of Economics Publ. House. 52 p. (In Russian).]
- Капелюшников Р.И. (2021). *Отдача от образования в России: ниже некуда?* WP3/2021/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 52 с. [Kapelushnikov R. (2021). *Return on education in Russia: nowhere lower?* WP3/2021/03, Moscow: Higher School of Economics Publ. House. 52 p. (In Russian).]
- Каравай А.В. (2021). Состояние человеческого капитала российских профессионалов // *Terra Economicus* 19(1): 124–137. [Karavay A.V. (2021). State of human capital of the Russian professionals. *Terra Economicus* 19(1): 6–31. (In Russian).]
- Коленникова Н.Д. (2019). Статусная консистентность занятого населения в современной России // *Социологические исследования* (11): 52–62. [Kolennikova N. (2019). Status Consistency of the Employed Population in Modern Russia. *Sociological Studies* (11): 52–62. (In Russian).]
- Кузьминов Я.И., Овчарова Л.Н. (ред.) (2019). *Национальные цели социального развития: вызовы и решения*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 113 с. [Kuzminov Y., Ovcharova L. (2019). *National goals for sustainable development: challenges and solutions*. Moscow: Higher School of Economics Publ. House. 113 p. (In Russian).]

- Лежнина Ю.П. (2014). Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // *Социологические исследования* (1): 20–28. [Lezhnina Y. (2014). Social Demographic Specifics of Poverty in Russian Federation. *Sociological Studies* (1): 20–28. (In Russian).]
- Любимова Т.С., Шкаратан О.И., Инясевский С.А. (2008). Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность* (1): 5–27. [Lyubimova T., Shkaratan O., Inyassevski S. (2008). A new middle class and information workers on russian labor market. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* (1): 5–27. (In Russian).]
- Малева Т.М. (ред). (2016). *2014–2015 годы: экономический кризис – социальное измерение*. М: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 112 с. [Maleva T. (Ed). (2016). *2014–2015: Economic crisis – social dimension*. Moscow: Publishing house “Delo” RANEPH. 112 p. (In Russian).]
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2018). Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии* 126(1-2): 30–46. [Mareeva S., Slobodenyuk E. (2018). Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions* 126(1-2): 30–46. (In Russian).]
- Мареева С.В. (2017). Потребительское поведение средних слоев в условиях кризиса // *Журнал институциональных исследований* 9(1): 88–104. [Mareeva S. (2017). Consumption Behavior of Middle Strata in Times of Economic Crisis. *Journal of Institutional Studies* 9(1): 88–104. (In Russian).]
- Меннинг Н. (2001). Россия в беде // *Мир России. Социология. Этнология* 10(1): 125–152. [Manning N. (2001). Russia is in Trouble. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology* 10(1): 125–152. (In Russian).]
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журнал Новой экономической ассоциации* 3(31): 170–186. [Ovcharova L., Popova D., Rudberg A. (2016). Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Journal of the New economic association* 3(31): 170–186. (In Russian).]
- Овчарова Л.Н. (2012). Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO* (16): 15–38. [Ovcharova L. (2012). Theoretical and methodological issues of definition and measurement of poverty. *SPERO* (16): 15–38. (In Russian).]
- Сорокин П.А. (1992). *Социальная стратификация и мобильность. Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат. 543 с. [Sorokin P. (1992). *Social stratification and mobility. Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. 543 p. (In Russian).]
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2020). Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // *Экономический журнал Высшей школы экономики* 24(4): 539–571. [Surinov A., Luppov A. (2020). Income Inequality in Russia. Measurement Based on Equivalent Income. *HSE Economic Journal* 24(4): 539–571. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Аникин В.А., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2018). *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения* / Под общ. ред. Н.Е. Тихонова. Нестор-История. 368 с. [Tikhonova N. (Ed.) (2018). *Model of Income Stratification of the Russian Society: Dynamics, Factors, Inter-country Comparisons*. Publishing Nestor-Istoriya. 368 p. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е. (2014). *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф. 408 с. [Tikhonova N. (2014). *The Social Structure of Russia: Theory and Reality*. Moscow: A New Chronograph. 408 p. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е. (2018а). Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии* 126(1-2): 17–29. [Tikhonova N. (2018a). Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions* 126(1-2): 17–29. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е. (2018б). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования* 6(6): 53–65. [Tikhonova N. (2018b).

- Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society. *Sociological Research* 6(6): 53–65. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е. (2019). «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // *Социологический журнал* 25(1): 27–47. [Tikhonova N. (2019). “Negative stabilization” and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia. *Sotsiologicheskiiy zhurnal* 25(1): 27–47. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е. (2017). Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // *Вестник Института социологии* 8(2): 140–165. [Tikhonova N. (2017). Human capital of professionals and managers: The condition and dynamic. *Vestnik Instituta Sotziologii* 8(2): 140–165. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. (2022). Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // *Мир России* (в печати). [Tikhonova N., Slobodenyuk E. (2022). Poverty of Russian professionals: scale, causes, trends. *Universe of Russia* (in print). (In Russian).]
- Becker G. (1964). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. University of Chicago Press.
- Bottero W. (2004). Class Identities and the Identity of Class // *Sociology* 38(5): 985–1003.
- Crouch C. (2010). Occupational Structure and Social Models in European Societies. Working Paper. University of Warwick Business School. August.
- Goldthorpe J., Jackson M. (2007). Intergenerational class mobility in contemporary Britain: political concerns and empirical findings. *The British journal of sociology* (58): 525–546.
- Jackman M.R., Jackman R.W. (1973). An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American Sociological Review* 38: 569–582.
- International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 (2012). International Labour Office. Geneva: ILO. 420 p.
- Nagin D. et al. (2005). Group-based modeling of development. Harvard University Press. 214 p.
- Sørensen A. (2000). Toward a sounder basis for class analysis. *American journal of sociology* 105(6): 1523–1558.
- Szelényi I. (2013). Poverty and Social Structure in Transitional Societies. The First Decade of Post-Communism. Plovdiv, Bulgaria: College of Economics and Administration. 164 p.
- Weber M. ([1924] 1978). Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press.
- World Bank. (2020). Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune. Washington. 178 p.

Приложение

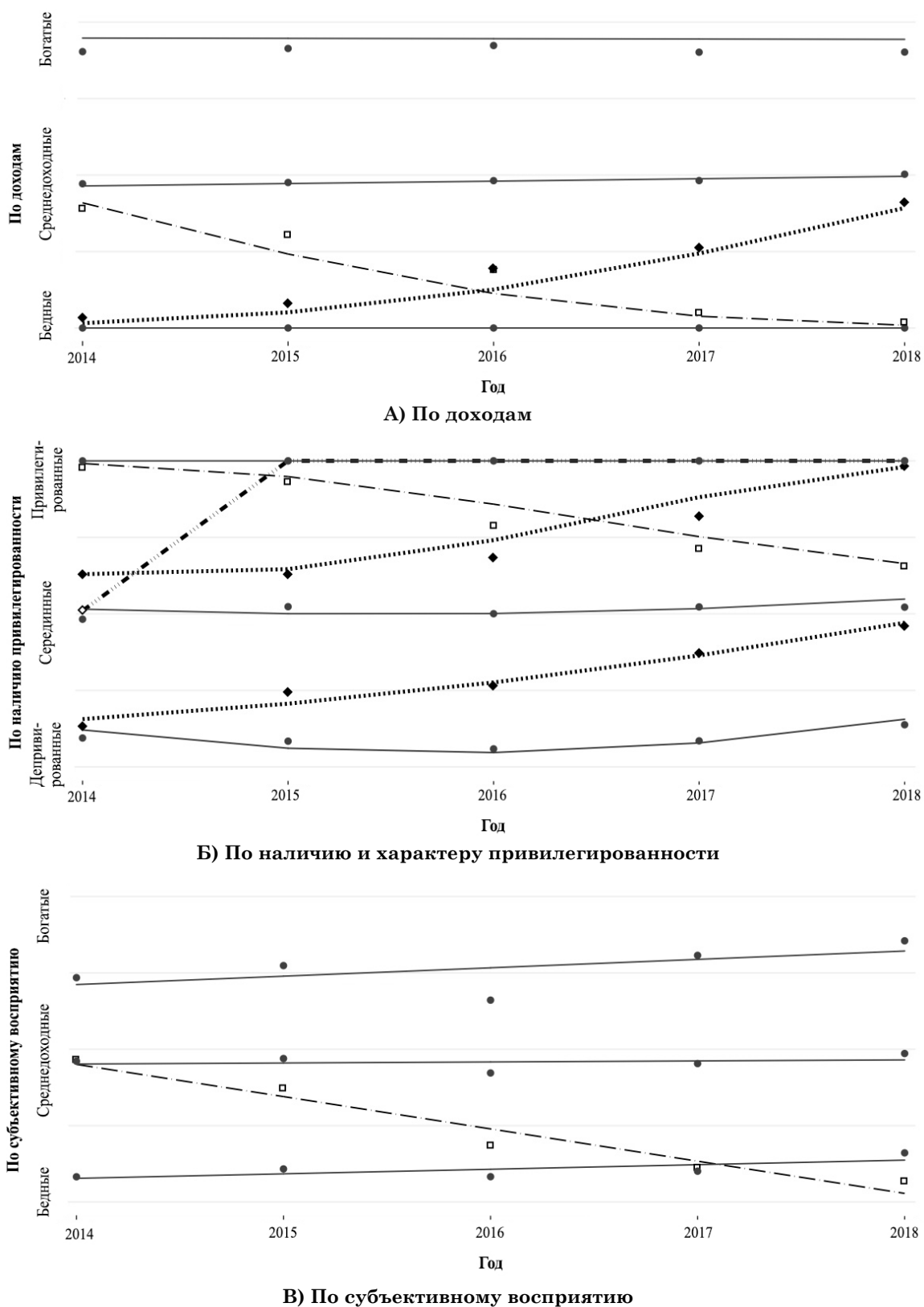

Рис. П1. Траектории изменения положения россиян в рамках трех анализируемых структур

Таблица П1

**Основные социально-демографические характеристики панельной выборки
в сравнении с репрезентативной за 2018 г., % от работающих**

Характеристики	Репрезентативная выборка	Панельная выборка	Характеристики	Репрезентативная выборка	Панельная выборка
1. Пол				3. Образование	
Мужской	47	45	Неполное среднее	9	8
Женский	53	55	Среднее	29	30
2. Возраст			Среднее специальное	28	28
Моложе 26 лет	8	5	Высшее	34	34
26–35 лет	26	23		4. Тип поселения	
36–45 лет	26	27	Областные центры	43	37
46–55 лет	23	26	Иные города	29	31
56–65 лет	14	16	Села и ПГТ	28	32
65 лет и старше	3	3			

Таблица П2

Динамика социальных структур работающего населения, панельная выборка, %

Социальные слои	Профессионалы					Все работающие				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Структура по величине доходов										
богатые	18	19	17	18	21	10	11	10	10	11
среднедоходные	63	63	64	62	64	64	62	66	65	68
бедные	19	18	19	20	15	26	27	24	25	21
Структура по наличию привилегированности										
привилегированные	31	34	32	39	44	20	23	21	24	27
серединные	57	59	58	52	50	55	56	57	57	58
депривированные	12	7	10	9	6	25	21	22	18	15
Структура по субъективному восприятию										
богатые	5	8	3	6	6	5	5	3	4	5
среднедоходные	67	65	61	60	64	61	61	54	55	60
бедные	28	27	36	34	30	34	34	43	41	35

Таблица П3

**Показатели качества моделей, определяющих совокупное количество
траекторий изменения положения человека в каждой из социальных структур**

Количество траекторий	Структуры общества		
	По величине доходов	По характеру и наличию привилегированности	По субъективному восприятию
1	–17113,55	–17661,00	–12135,51
2	–15044,31	–15157,35	–10634,62
3	–13669,40	–14236,00	–10508,95
4	–13398,82	–13925,30	–10404,36
5	–13052,92	–13653,19	–10625,39
6	–13735,39	–13537,03	
7		–13505,01	
8		–13517,66	

Примечание: Согласно рекомендациям Nagin и коллег (2005: 61–77) предлагается применять именно Байесовский информационный критерий; наилучшей моделью является та, после которой значение информационного критерия начинает вновь уменьшаться (выделено жирным шрифтом).

Таблица П4

**Динамика работающих россиян в рамках трех социальных структур
в разбивке по профессиональным группам, %**

Траектории жизненных изменений	Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы и клерки	Работники сервиса и продаж	Рабочие
	По доходам				
Стабильность: богатство	14	18	10	3	5
Стабильность: средние доходы	71	63	68	65	65
Рост: бедность → средние доходы	7	8	10	13	13
Падение: средние доходы → бедность	4	6	5	8	7
Стабильность: бедность	4	5	7	11	10
	По наличию привилегированности				
Стабильность: привилегированность	22	11	9	4	1
Резкий рост: серединное положение → привилегированность	4	5	3	1	1
Рост: серединное положение → привилегированность	14	16	13	8	6
Падение: привилегированность → серединное положение	17	11	9	6	4
Стабильность: серединное положение	38	48	51	55	50
Рост: депривированность → серединное положение	3	4	7	9	11
Стабильность: депривированность	2	5	8	17	27
	По субъективному восприятию				
Стабильность: богатство	9	4	2	2	1
Стабильность: средние доходы	69	63	64	55	50
Падение: средние доходы → бедность	4	9	8	8	9
Стабильность: бедность	18	24	26	35	40

Таблица П5

Характеристики профессионалов, совершивших мобильность между стратами, %

Характеристики	Мобильность					В среднем по профессионалам
	А) по доходам		Б) по наличию привилегированности		В) по субъективному восприятию	
	рост: бедность → средние доходы	падение: средние доходы → бедность	рост: срединное → привилегированность	падение: привилегированность → срединное	падение: средние доходы → бедность	
	Тип поселения					
Областные центры	16	20	43	66	44	43
Города	32	33	28	24	27	28
Села и ПГТ	52	47	29	10	29	30
	Возраст					
Моложе пенсионного	91	97	79	85	73	79
Пенсионный	9	3	21	15	27	21
	Качество ОЧК					
Высокое	49	40	69	66	52	51
Среднее	30	30	19	26	23	27
Низкое	21	30	12	8	25	22
	Общий трудовой стаж у лиц моложе пенсионного возраста					
Среднее значение	14,0	14,6	17,1	16,9	18,2	16,8
Медианное значение	10	13	16	17	19,5	16
	Наличие детей в составе домохозяйства на момент 2014 г.					
Имели детей	80	77	50	50	52	48
Не имели детей	20	23	50	50	48	52
	Справочно					
Имеют диплом о в/о	75	60	83	88	77	76
Оба родителя с в/о	17	19	18	27	18	19
Оценивают здоровье как хорошее	50	47	48	33	29	38
Справочно: 0 или 1 признак	54	56	53	56	67	61
Справочно: 2 или 3 признака	46	44	47	44	33	39
Имеют ученую степень (диплом)	3	3	3	2	3	3

Примечание: Из таблицы исключены траектории «рост: депривированность → срединное» и «рост: срединное → привилегированность (2014)» ввиду малой численности, приведены данные по категории «падение: средние доходы → бедность», однако ввиду ее малой численности (< 30 чел.) значения выделены заливкой как ненадежные. Общий трудовой стаж приведен по лицам моложе пенсионного возраста.